
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Василий Владиславович Трофимов

*Начальник Научно-исследовательского института
государственно-правовых исследований, профессор кафедры
теории и истории государства и права Тамбовского
государственного университета им. Г. Р. Державина,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Тамбовского государственного технического
университета, доктор юридических наук, доцент
E-mail: iptgutv@mail.ru*

Дмитрий Владимирович Челбаев

*Младший научный сотрудник Научно-исследовательского
института государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного университета
им. Г. Р. Державина, ассистент, аспирант кафедры теории
и истории государства и права Тамбовского
государственного технического университета
E-mail: chelbaev.d@yandex.ru*

Государственно-правовая политика в области формирования и совершенствования инновационно-цифровой культуры в праве*

Аннотация. В статье обоснована актуальность формирования инновационно-цифровой культуры в праве в условиях, когда реализация прав зависит от устойчивости электронных процедур и доверия к цифровой инфраструктуре. Предметом выступает государственно-правовая политика в сфере инновационно-цифровой правовой культуры, цель — определить ее ключевые векторы развития и условия эффективности. Методология включает формально-юридический, системный и структурно-функциональный анализ, а также доктринальный подход. Новизна состоит в трактовке инновационно-цифровой культуры как двуединой категории, сочетающей социокультурные и технологические аспекты, и в обосновании трехконтурной модели государственно-правовой политики (нормативный, инфраструктурный, просветительский блоки). Показано, что приоритетом такой политики является сочетание цифровой доктрины, инновационной ориентированности, технологической подотчетности и гарантий интеллектуальных и цифровых прав.

21

Ключевые слова: цифровая правовая культура, инновации, государственно-правовая политика, цифровизация, цифровые права, правовая идеология, кодификация цифрового законодательства.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03175.

URL : <https://rscf.ru/project/25-28-03175/>.

© Трофимов В.В., Челбаев Д. В., 2026

Vasily Vladislavovich Trofimov

*Head of the Research Institute for State and Legal Studies,
Professor of the department of State and Law Theory and
History, Derzhavin Tambov State University; Professor of the
department of State and Law Theory and History, Tambov State
Technical University, Doctor of Legal sciences, Docent*

Dmitry Vladimirovich Chelbaev

*Junior Researcher of the Research Institute for State and Legal
Studies, Derzhavin Tambov State University; Assistant,
Graduate Student of the department of State and Law Theory
and History, Tambov State Technical University*

Public Legal Policy for the Development and Improvement of an Innovative Digital Culture in Law

Annotation. *This article substantiates the relevance of developing an innovative digital culture in law in a context where the exercise of rights depends on the sustainability of electronic procedures and trust in digital infrastructure. The subject of this article is public legal policy in the sphere of innovative digital legal culture, the goal of which is to identify its key development vectors and the conditions for its effectiveness. The methodology includes formal-legal, systemic, and structural-functional analysis, as well as a doctrinal approach. The novelty lies in the interpretation of innovative digital culture as a dual category combining sociocultural and technological aspects, and in the substantiation of a three-pronged model of public legal policy (regulatory, infrastructural, and educational components). It is shown that the priority of such a policy is the combination of digital doctrine, innovation orientation, technological accountability, and guarantees of intellectual and digital rights.*

Keywords: *digital legal culture, innovation, state and legal policy, digitalization, digital rights, legal ideology, codification of digital legislation.*

Цифровая трансформация стала одним из главных вызовов для современной государственно-правовой системы. Развитие цифровых инноваций, сетевых коммуникаций, искусственного интеллекта, электронных реестров и виртуальной реальности изменяет социальные отношения и ставит перед государством вопрос о том, как гармонично интегрировать технологический прогресс в правовое пространство, сохранив ценностные основания и доверие к праву. Очевидно, это должно осуществляться не в последнюю очередь через формирование в обществе новой, цифровой и инновационной культуры, которая будет иметь и правовое измерение. С этой целью видится целесообразным проведение со стороны государства (безусловно, во взаимосвязи с гражданским обществом) целенаправленной государственно-правовой политики в области формирования и совершенствования инновационно-цифровой культуры в праве, основные векторы формирования и развития которой постараемся обозначить, опираясь на современную доктрину государственно-правовой политики, а также представления о новациях в мире цифровизации и цифровых инноваций.

Актуальность заявленной проблематики обусловлена тем, что цифровая среда становится, по сути, основной инфраструктурой управленческих и юридически значимых действий. Реализация субъективных прав, исполнение юридических обязанностей все чаще зависит от устойчивости электронных процедур, защищенности данных и надежности реестров. Очевидно, именно здесь возникает критическая точка, на которой доверие к праву начинает напрямую зависеть от доверия к цифровым механизмам правореализации.

Сегодня цифровизация, основанная на цифровых инновациях, затрагивает все аспекты общественной жизни, включая право. Возникает феномен цифровой (инновационно-цифровой) правовой культуры, от уровня которой во многом зависит эффективность правового регулирования в информационном обществе. Под цифровой

культурой в праве можно понимать двуединую категорию, сочетающую социокультурные и технологические аспекты, субъективное и объективное начала: с одной стороны, это система представлений участников правовой сферы о возможностях и правилах использования цифровых технологий, что одновременно предполагает их инновационную ориентированность, а с другой — совокупность материальных и духовных элементов право-цифровой инфраструктуры в общественной среде, способствующих развитию цифровых правоотношений [1, с. 123]. Причем это может и должно касаться как городских агломераций, так и сельских территорий, жизнедеятельность которых обеспечивает продовольственную безопасность государства, тем самым обеспечивая национальную безопасность в целом.

Однако в современной России уровень цифровой (инновационно-цифровой) культуры в правовой сфере пока вряд ли можно назвать высоким ни в субъективном, ни в объективном смысле, ни в сельской местности, ни в городе. Это проявляется в том, что значительная часть граждан и организаций еще не приобрела необходимых цифровых навыков и доверия к электронным правовым сервисам, а правовые институты не до конца адаптированы к новым технологиям [2, с. 143–144]. Как отмечает Э. В. Талапина, распространение цифровых технологий ставит принципиально новые задачи перед государством и правовой системой, трансформируя устоявшиеся институты и требуя переосмысления традиционных подходов [3, с. 6–7]. Недостаточная сформированность цифровой правовой культуры порождает риски недоверия к цифровым технологиям и проблемы цифровизации в праве.

Можно в некотором смысле констатировать, что технологический прогресс опережает общественное сознание, только начинающее приспосабливаться к объективным переменам в базисе общественной жизни. Эта стадия научного анализа закономерно выводит к полю научной полемики, где ценностно-правовой подход приходится соотносить с инструментально-технологическими интерпретациями цифровой трансформации (в данном случае на фоне правовой реальности). Существует мнение, согласно которому цифровизация правовой сферы должна оцениваться прежде всего по критериям оптимизации и доступности, поскольку теория электронного правительства рассматривает информационно-коммуникативные технологии прежде всего как средство предоставления услуг и «снижения бюрократии, повышения эффективности и доступности услуг» [4, с. 4]. При всей привлекательности такого подхода он содержит методологическую редукцию, поскольку доверие к праву формируется не только удобством и скоростью, но и гарантиями, объяснимостью, предсказуемостью и защищенностью процедур. Более того, технологическая эффективность сама по себе может породить новую форму правового отчуждения, когда субъект видит лишь результат, но не понимает оснований принятого решения и не способен проверить его юридическую корректность. В этих условиях возникает риск подмены права как системы ценностных ориентиров и гарантий прав человека, признанных в обществе, исключительно «машинной процедурой», действующей по собственной логике. Однако человеку как центру правовой реальности, как правилу, всегда важно понимать, как и каким образом было достигнуто то или иное решение, насколько оно учитывает личностные и общесоциальные интересы, сложный социальный контекст, все обстоятельства, насколько в конечном итоге такое решение обосновано и справедливо. И если человек не ощущает подобных вещей, то преимущественно либо со скепсисом воспринимает такие решения, либо мысленно отторгает.

Показательно, что в зарубежной теории Л. Лессиг, анализируя регулирование в киберпространстве, показывает, что в цифровой среде правила задаются не только государством, но и архитектурой пространства: «Правила в цифровом пространстве устанавливаются не посредством санкций и не государством, а самой архитектурой этого конкретного пространства» [5, с. 20]. При этом сама логика архитектурного контроля описывается им как ценностно нагруженная, поскольку «различные архитектуры содержат разные ценности» [5, с. 58]. Таким образом, даже при минимальном вмешательстве государства цифровая среда оказывается нормирующей, поскольку код воплощает определенные правила и ценности, иногда неявно. В российской доктрине сходная мысль. Т. Я. Хабриева справедливо обращает внимание на то, что влияние цифровизации на трансформацию права является «наименее изученным

и осмысленным правовой доктриной» [6, с. 10], а описывая практики блокчейна, делает принципиально важное замечание: «все участники, использующие указанную платформу, фактически становятся “заложниками” программных алгоритмов, которые выполняют регуляторную функцию» [6, с. 13]. Тем самым дискуссия об инновационно-цифровой культуре в праве выходит за пределы только педагогики или цифровой грамотности и затрагивает вопрос о границах алгоритмического нормирования, а также о том, кто и на каких основаниях задает стандарты должного поведения в цифровой среде, иными словами, здесь начинается решаться вопрос о том, кто в этом отношении «машина — человек» есть, условно говоря, первый, а кто идет следом за ним, кто «ведущий», а кто «ведомый». Ответ на эти вопросы позволит понять и то, какой в действительности будет инновационно-цифровая культура субъектов права.

Для комплексного ответа на вызовы цифровизации необходима специальная государственно-правовая политика в области формирования и развития цифровой правовой культуры. Государственно-правовую политику можно определить как целенаправленную деятельность государства в правовой сфере, основанную на научно обоснованной стратегии и тактике публично-властного действия в правовой сфере жизни общества и направленную на решение актуальных проблем правового развития [7, с. 82]. В контексте цифровизации такая политика должна соединять доктринальные (идеологические) основы правовых мероприятий с практическими мерами реализации (в правотворчестве, правоприменении, правореализации и т. д.).

Современная государственно-правовая политика в области инновационно-цифровой культуры в праве должна строиться на научно обоснованных принципах юридической деятельности в области правотворчества, правоприменения и правореализации, а также на системности и преемственности государственно-правовых решений [8, с. 72–73]. Думается, только при условии того, что стратегия цифровизации правового пространства будет разработана публичной властью в сотворчестве с компетентным научным сообществом и поддержана обществом, возможно формирование устойчивого правопорядка в новой цифровой реальности.

Здесь уместно подчеркнуть, что государственно-правовая политика в цифровой сфере не может быть фрагментарной, поскольку она проектирует будущее правового развития. Как отмечается в литературе, «хаотичный порядок регуляции создает иллюзию правового регулирования и его эффективности. При этом использование правовых моделей позволяет прогнозировать, учитывать риски и проектировать варианты оптимального правового регулирования» [9, с. 140]. Следовательно, цифровые процедуры должны укреплять гарантии правопорядка, а не подменять их технологической формой.

При этом, на наш взгляд, первоочередной стратегической задачей должна стать выработка единой идеологии цифрового развития правовой системы — своего рода «цифровой доктрины», разделяемой государством и обществом. Идеологическое обеспечение крайне важно для консолидации усилий в цифровой и в целом инновационной сфере: без него успех цифровизации в праве проблематичен. Фактически речь идет о стратегическом видении и опорных ценностях цифрового сегмента государства и права, транслируемых через государственно-правовую политику.

В нормативной плоскости первостепенное значение имеет совершенствование нормативного регулирования цифровых отношений, включая устранение терминологических разрывов и единообразие стандартов. В научной среде обоснована идея кодификации, принятия единого «Цифрового кодекса», который систематизировал бы разрозненные нормы и задал бы устойчивые рамки регулирования в условиях быстрых технологических изменений [8, с. 71]. Такой акт позволил бы избежать хаотичных точечных правок и поддержать целостность правовой системы в цифровой сфере (цифровой формы правовой системы).

Вместе с тем идея кодификации цифровых отношений требует корректного понимания ее пределов. Оппоненты обоснованно указывают, что в условиях стремительного технологического развития кодификационные решения могут оказаться нормативно инерционными и не поспевать за изменчивостью цифровых практик [10, с. 25]. Дополнительно отмечается, что в таких условиях практическое нормирование способно смещаться к частным правилам платформ, действующих как «частные регуляторы своих экосистем» [11, с. 71].

Однако при комплексном ответе представляется важным подчеркнуть, что кодификация может мыслиться как фиксация базовых понятий, принципов и режимов данных, а также критериев допустимости цифровых процедур и механизмов ответственности, т. е. как средство обеспечения нормативной определенности в цифровой среде. В этом смысле цифровая кодификация выступает не препятствием инновациям, а формой юридической интеграции цифровых институтов в систему правового регулирования, сохраняя рамки гарантий и процедурной справедливости.

Не менее важны правоприменительный контур и инфраструктура, поскольку цифровые процедуры становятся каналом реализации прав граждан и организаций. Только надежные и доступные электронные сервисы позволяют полноценно использовать цифровые возможности, что требует стандартов качества и механизмов контроля (прежде всего, государственного), укрепляющих доверие к цифровым инструментам.

При этом развитие инфраструктуры инноваций нельзя сводить к «поставке технологий», поскольку цифровая инфраструктура в праве несет нормативную нагрузку, определяя фактическую доступность правовых процедур и предсказуемость юридически значимых действий. Следовательно, необходимы требования технологической подотчетности, включая верифицируемость операций и возможность независимого контроля, особенно в судебной сфере. Не случайно Т. Я. Хабриева фиксирует изменения в «познавательной-доказательственной составляющей судебного процесса» и указывает на появление новых видов доказательств, включая «цифровые следы» [6, с. 13].

Существенным элементом рассматриваемой политики выступает и вопрос о цифровых правах как форме конкретизации фундаментальных конституционных гарантий в условиях цифровой реальности. В. Д. Зорькин указывает, что, «очевидно, наступило время конкретизации прав и свобод человека и гражданина применительно к цифровой реальности» [12]. Данное положение имеет принципиальное значение, поскольку позволяет избежать ошибочной трактовки цифровых прав как «параллельного» набора правомочий. Напротив, цифровые права следует рассматривать как юридическую конкретизацию универсальных прав в ситуации, когда доступ к информации, коммуникациям и услугам становится технологически опосредованным, а значит, возможны новые формы дискриминации и ограничения, связанные не с текстом нормы, а с архитектурой цифровой среды. В таком ключе государственно-правовая политика инновационно-цифровой культуры приобретает правозащитное измерение, поскольку она должна обеспечивать реальную реализуемость прав в цифровой среде и предотвращать формирование новых барьеров, включая цифровое неравенство.

Наконец, требуется последовательно развивать правообучающие и просветительские меры, повышающие цифровую грамотность и правосознание участников правовой сферы. Речь идет о программах подготовки профессиональных кадров (юристов, судей, госслужащих с ИТ-компетенциями) и обучении широких слоев населения базовым цифровым навыкам и пониманию цифровых прав и возможностей, включая курсы по цифровому праву, кибербезопасности и работе с электронными платформами. Целесообразно встраивать основы цифровой юридической грамотности в школьные и вузовские курсы, формируя ответственное поведение в сети и уважение к правам и свободам в Интернете [13, с. 44]. Такая правообучающая государственно-правовая политика в области цифровой культуры сможет заложить фундамент поколения, способного эффективно и законно пользоваться благами цифрового государства.

Важно, однако, подчеркнуть, что просветительский контур должен сопровождаться и институциональными гарантиями. Цифровая грамотность не компенсирует непрозрачность алгоритмов и не заменяет юридическую определенность, но она формирует способность субъекта осмысливать цифровую процедуру как юридически значимую и требовать соблюдения своих прав. Следовательно, просветительская политика должна быть связана с формированием доверия к цифровым правовым сервисам и с развитием цифровой правовой ответственности. Думается, именно здесь замыкается целостная логика цифровой культуры в праве как двуединой категории, в которой знания и навыки дополняются институциональной надежностью, а ценностное принятие цифровых практик укрепляется юридической защищенностью.

Подводя некоторый итог данного исследования, мы можем сделать вывод, что цифровая правовая культура представляет собой совокупность материальных и духовных правовых ценностей цифровой эпохи, характеризующих уровень развития информационного общества и отражающихся в цифровом правосознании граждан. Она складывается из действенного законодательного регулирования цифровых и инновационных технологий, компетентного применения цифро-правовых инструментов и высокого уровня цифровой грамотности граждан. Научная новизна настоящего исследования состоит в идентификации инновационно-цифровой культуры в праве как двуединой категории, включающей ценностно-идейный и институционально-практический компоненты, а также в обосновании трехконтурной модели государственно-правовой политики ее формирования, объединяющей нормативно-идеологический, правоприменительно-инфраструктурный и правопроектный блоки. Современную государственно-правовую политику России в области цифровой и инновационной культуры в праве можно охарактеризовать как многоуровневую систему мер, направленных на институционализацию цифровой (а также инновационной) правовой культуры. Таким образом, приоритетом государственно-правовой политики в области формирования и развития в обществе инновационно-цифровой культуры в праве выступает создание согласованной нормативной, идеологической и институциональной базы, а также развитие соответствующих компетенций, обеспечивающих эффективность, прозрачность и безопасность цифровых процедур.

Пристатейный библиографический список

1. Никиташина Н. А., Карамашев С. Б., Аксютин Ю. М. Предпосылки и риски развития цифрового права в контексте цифровой культуры // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 3. С. 122–131.
2. Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 129–153.
3. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
4. Кургаева Ж. Ю. Цифровизация государственного управления и гражданского участия: индикаторы оценки уровня развития, вызовы и перспективы // Вестник Евразийской науки. 2025. Т. 17, № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/46ECVN225.pdf> (дата обращения: 18.01.2026).
5. Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York : Basic Books, 1999.
6. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
7. Трофимов В. В. Государственно-правовая политика современной России: от доктрины к практике реализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 3. С. 79–86.
8. Трофимов В. В. Современная государственно-правовая политика Российской Федерации в пространстве функционирования информационно-телекоммуникационных систем: о некоторых проблемах формирования и реализации // Legal Concept. 2021. Т. 20, № 3. С. 66–75.
9. Рафалюк Е. Е., Кичигин Н. В. Реализация правовых моделей: проблемы и поиск решений // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 135–140.
10. Тедеев А. А. Систематизация информационного (цифрового) законодательства: современные тенденции (Россия и Центральная Азия) // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 47, № 4. С. 20–26.
11. Ларионова М. В., Доронин П. А. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, № 2. С. 70–92.
12. Зорькин В. Д. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан // Российская газета. 2018. 29 мая. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 21.01.2026).

13. Головкин Р. Б., Крайнова Е. Р., Манохин В. С. Механизмы цифровизации права и юридический комплаенс : учеб. пособие. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2022.

References

1. Nikitashina N. A., Karamashev S. B., Aksyutin YU. M. Predposylki i riski razvitiya cifrovogo prava v kontekste cifrovoj kul'tury // Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. [Prerequisites and Risks of Digital Law Development in the Context of Digital Culture // Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University] 2022. No. 3. Pp. 122–131.

2. Smirnov A. V. Cifrovoe obshchestvo: teoreticheskaya model' i rossijskaya dejstvitel'nost' // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. [Digital Society: Theoretical Model and Russian Reality // Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes] 2021. No 1. Pp. 129–153.

3. Talapina E. V. Pravo i cifrovizaciya: novye vyzovy i perspektivy // ZHurnal rossijskogo prava. [Law and Digitalization: New Challenges and Prospects // Journal of Russian Law] 2018. No. 2. Pp. 5–17.

4. Kurgaeva ZH. YU. Cifrovizaciya gosudarstvennogo upravleniya i grazhdanskogo uchastiya: indikatory ocenki urovnya razvitiya, vyzovy i perspektivy // Vestnik Evrazijskoj nauki. [Digitalization of Public Administration and Civic Participation: Indicators for Assessing the Level of Development, Challenges, and Prospects // Bulletin of Eurasian Science] 2025. Vol. 17, No. 2. [Electronic resource]. URL: <https://esj.today/PDF/46ECVN225.pdf> (accessed: 01/18/2026).

5. Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York : Basic Books, 1999.

6. Habrieva T. YA. Pravo pered vyzovami cifrovoj real'nosti // ZHurnal rossijskogo prava. [Law Facing the Challenges of Digital Reality // Journal of Russian Law] 2018. No. 9. Pp. 5–16.

7. Trofimov V. V. Gosudarstvenno-pravovaya politika sovremennoj Rossii: ot doktriny k praktike realizacii // Pravovaya politika i pravovaya zhizn. [State and Legal Policy of Modern Russia: From Doctrine to Implementation Practice // Legal Policy and Legal Life] 2018. No. 3. Pp. 79–86.

8. Trofimov V. V. Sovremennaya gosudarstvenno-pravovaya politika Rossijskoj Federacii v prostranstve funkcionirovaniya informacionno-telekommunikacionnyh sistem: o nekotoryh problemah formirovaniya i realizacii // Legal Concept. [Modern State and Legal Policy of the Russian Federation in the Space of Functioning of Information and Telecommunication Systems: On Some Problems of Formation and Implementation // Legal Concept] 2021. Vol. 20, No. 3. Pp. 66–75.

9. Rafalyuk E. E., Kichigin N. V. Realizaciya pravovyh modelej: problemy i poisk reshenij // ZHurnal rossijskogo prava. [Implementation of Legal Models: Problems and Search for Solutions // Journal of Russian Law] 2014. No. 5. Pp. 135–140.

10. Tedeev A. A. Sistematizaciya informacionnogo (cifrovogo) zakonodatel'stva: sovremennye tendencii (Rossiya i Central'naya Aziya) // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). [Systematization of Information (Digital) Legislation: Current Trends (Russia and Central Asia) // Works on Intellectual Property] 2023. Vol. 47, No. 4. Pp. 20–26.

11. Larionova M. V., Doronin P. A. Problemy regulirovaniya cifrovych platform: trudnosti i vozmozhnosti mezhdunarodnogo sotrudnichestva // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. [Problems of Regulating Digital Platforms: Difficulties and Opportunities for International Cooperation // Journal of International Organizations] 2024. Vol. 19, No. 2. Pp. 70–92.

12. Zorkin V. D. Zadacha gosudarstva — priznavat' i zashchishchat' cifrovyje prava grazhdan // Rossijskaya gazeta. 2018. 29 maya. [The State's Task is to Recognize and Protect the Digital Rights of Citizens // Rossijskaya Gazeta. 2018. May 29] [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyje-prava-grazhdan.html> (accessed: 01/21/2026).

13. Golovkin R. B., Krajnova E. R., Manohin V. S. Mekhanizmy cifrovizacii prava i yuridicheskij komplajens : ucheb. posobie. [Mechanisms of Digitalization of Law and Legal Compliance: a textbook] Vladimir : Izd-vo VIGU [VISU Publishing House], 2022.